

И С Т О Р И Я   В   О Д Н О М   Т О М Е

William Bernstein

MASTERS OF THE WORD

Уильям Бернстайн

МАССМЕДИА

с древнейших времен и до наших дней

Издательство АСТ
Москва

УДК 070
ББК 76.0
Б51

William Bernstein
MASTERS OF THE WORD

Перевод с английского *Н. Омеляновича, А. Николаева*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Grove/Atlantic, Inc
и литературного агентства Synopsis.

Бернстайн, Уильям.

Б51 Массмедиа с древнейших времен и до наших дней / Уильям Бернстайн ; [пер. с англ. Н. Омеляновича, А. Николаева.]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с.

ISBN 978-5-17-102552-6 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-087116-2 (История в одном томе)

От начала письменности – до эры медийных высоких технологий...

От глиняных табличек Месопотамии – до мобильного Интернета...

Уильям Бернстайн, известный историк, автор знаменитого «Великолепного обмена», хорошо знакомого и отечественным читателям, предлагает в своей новой книге удивительную историю масс-медиа – от самого их зарождения и до наших дней.

Полемичная, оригинальная, превосходно написанная, необычайно информативная, эта книга – захватывающее путешествие в историю и эволюцию средств массовой информации.

УДК 070
ББК 76.0

ISBN 978-5-17-102552-6 (Страницы истории)
ISBN 978-5-17-087116-2 (История в одном томе)

© William J. Bernstein, 2013
© Перевод. К. Королев, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

Посвящается Джейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава первая.</i> Происхождение письма	30
<i>Глава вторая.</i> Алфавит демократии	65
<i>Глава третья.</i> Двенадцать таблиц, семь холмов и несколько ранних христиан	117
<i>Глава четвертая.</i> До Гутенберга	155
<i>Глава пятая.</i> Пуансон и контрпуансон	195
<i>Глава шестая.</i> Подконтрольный пресс	247
<i>Глава седьмая.</i> С мачете в одной руке и радиоприемником в другой	304
<i>Глава восьмая.</i> Товарищи, которые не могли транслировать честные передачи	351
<i>Глава девятая.</i> Аргус	421
<i>Благодарности</i>	476
<i>Использованные источники и литература</i>	479

ПРЕДИСЛОВИЕ

То утро, как и в предыдущие дни, складывалось для Уинстона Смита неважно. Разбуженный оглушительным сигналом тревоги вездесущего телевизора, Уинстон, герой романа Джорджа Оруэлла «1984», выдрал из холодной постели нагое тело, измученное артритом. В этот час следовало делать зарядку. «Группа от тридцати до сорока! Группа от тридцати до сорока! Займите исходное положение. Группа от тридцати до сорока!» — вопил, казалось, из преисподней, женский голос личного тренера.

Уинстон, или, точнее, Шестьдесят — семьдесят девять Смит У., послушно пытался одолеть телесную немощь, но его усилия вряд ли понравились телевизионной мучительнице. Откликаясь на команду наклониться пониже, он почувствовал боль в позвоночнике¹.

После того как в 1948 году эта книга появилась в продаже, критики и читатели принялись обсуждать ее истинное значение. Является ли она специфическим обвинительным

---

¹ Об авторском замысле и о том, почему Оруэлл выбрал для своего романа такое название, см.: Bernard Crick, *George Orwell, a Life* (New York: Atlantic Monthly Press, 1980), 392–399; Peter Davison, *George Orwell* (New York: Saint Martin's Press, 1996), 133–139.

актом социализму, как казалось консервативным читателям. Или, может быть, эта книга — предостережение от тоталитарных тенденций, присущих не только фашизму и коммунизму, но и демократам либерального толка (позже Оруэлл дал понять, что имел в виду либеральные демократии)?

Дебаты вокруг политического значения книги не затронули гораздо более важный вопрос: к середине двадцатого века достижения в телекоммуникациях склонили чашу весов в борьбе за власть между правителями и управляемыми в пользу первых, и несчастные персонажи упомянутой книги не имели даже надежды воспротивиться насаждению влияния электронных средств массовой информации.

За десять лет до публикации романа «1984» Оруэлл писал:

Инквизиция потерпела поражение, но в распоряжении Инквизиции не было всех ресурсов современного государства. Радио, цензура прессы, стандартизованное образование и тайная полиция все изменили. Массовое внушение за последние двадцать лет стало наукой; мы до сих пор не знаем предела возможностей в этой области.

Оруэлл в своем романе, несомненно, имел в виду гитлеровский фашистский режим и созданный Сталиным аппарат, противодействовавший любому инакомыслию, — самую подходящую модель для Большого Брата. Но ни один государственный орган не был так насыщен людьми, как министерство государственной безопасности ГДР, грозное Штази. В лучшую для себя пору Штази насчитывало около ста тысяч сотрудников — один на сто шестьдесят человек населения. Вальтер Ульбрихт и Эрих Хонеккер на небольшой площади тевтонского мира создали более многочисленную структуру государственной безопасности, чем аналогич-

ная служба у Гитлера, которая контролировала обширную территорию. Восточные немцы даже придумали слово для характеристики жизни, наводненной информаторами и прослушивающими устройствами: *flächendecken* — «все под колпаком». Три тысячи сотрудников Штази контролировали радиопередачи и телефонную связь. Хотя в ГДР телефоны были далеко не у всех (установки домашнего телефона приходилось ждать чуть ли не двадцать лет), некоторым гражданам их устанавливали по первому требованию, что означало одно: абонент интересен для надзора над ним. Под присмотром находились и постояльцы отелей — за ними вели наблюдение с помощью телекамер.

Впрочем, далеко не вся техника в ГДР была высшего качества, и потому сотрудники Штази, прибегая к прослушиванию и видеонаблюдению, в основном полагались на информаторов. Около двух процентов восточных немцев регулярно доносили на своих коллег, друзей и знакомых. В некоторых областях человеческой деятельности организованная Штази система доносов была наиболее интенсивной. Так, каждый двадцатый врач доносил на своих коллег.

После падения ГДР в помещениях Штази обнаружили запечатанные сосуды с лоскутами материи. Позже установили их назначение: лоскуты были пропитаны потом, взятым из подмышек мужчин или собранным с бедер женщин, что позволяло в случае надобности пустить по следу собак.

Во время публикации романа «1984» почти треть планеты (включая новорожденную КНР) придерживалась образа жизни, которым Оруэлл наделил описанное им государство¹. Однако в 1989 году Восточная Германия сбросила путы Большого Брата. После ликвидации Берлин-

---

¹ Данные Энryса Мэддисона; см.: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls. В 1950 году численность населения коммунистических стран составляла 834 миллиона человек при общем населении планеты 2.526 миллиарда человек.

ской стены некоторая часть населения мира, страдавшая от тоталитаризма, вздохнула свободно. К началу двадцать первого века число режимов, удушающих народы, можно было сосчитать на пальцах одной руки: Мьянма (Бирма), Северная Корея, а также, вероятно, Вьетнам и Куба. По данным «Фридом хаус», организации, отслеживающей нарушения прав человека, с 1975 по 2010 год число свободных или частично свободных наций увеличилось с 54 до 78 процентов.

Длительные исследования подтверждают эту тенденцию. Исследователи накопили немало данных о развитии демократии за последние два столетия. Однако они пришли к неожиданным выводам: в девятнадцатом веке развитие демократии резко остановилось и сопровождалось стагнацией в появлении новых демократических государств. Такое положение характерно и для двадцатого века вплоть до 1980 года, после чего последовал всплеск демократического развития¹.

Еще более драматичным — в период с 1920 по 1980 год, когда развивались радио и телекоммуникации, — оказалось резкое увеличение числа деспотических государств. (Две упомянутые государственные формации не являются симметричными, ибо наряду с ними существует и третья — неопределенная государственная система). Стоит отметить, что в начале и середине двадцатого века увеличилось количество деспотических государств, описанных Оруэллом. Вероятно, этот писатель был бы до крайности удивлен, узнав, что после 1980 года деспотизм пошел на спад.

---

¹ См.: Barbara Wejnert, "Diffusion, Development, and Democracy, 1800–1999", *American Sociological Review* 70:1 (February, 2005): 58. Барбара Вейнерт приводит в своей работе детальное рассмотрение степени проникновения демократии в некоторых государствах, основываясь на институциональных и политических индикаторах, и приходит к выводам, аналогичным нашим.

Очевидно, что соотношение деспотических и демократических государств не имеет причинной связи, но случившийся поворот событий, несомненно, озадачил бы Оруэлла, ибо технологии, доступные в наши дни тоталитарным режимам, превзошли творческие фантазии этого сочинителя: камеры слежения способны считывать автомобильные номера из космического пространства, технология интеллектуального анализа данных с помощью Интернета позволяет обрабатывать миллионы сообщений в минуту, современные микрофоны способны уловить «звук комариного испражнения с расстояния в 5000 ярдов». Каким же образом, несмотря на подобные технологии слежения и надзора, государства утратили контроль над людьми?

Коротко говоря, при рыночной экономике коммуникации и технологии слежения быстро подешевели и стали доступными для населения. Любое устройство, способное увеличить скорость и емкость коммуникации, увеличивает возможности пользователя влиять на события, и, разумеется, такое влияние также является неотъемлемой составляющей политической власти. С течением времени эти коммуникационные технологии, однажды расширившие возможности государства, расширили и возможности отдельного человека. Иными словами, коммуникационные технологии, которые дали возможность правительствам следить за своими гражданами, позволили гражданам избегать слежки и даже контролировать деятельность правительства¹.

В тридцатых-сороковых годах девятнадцатого столетия трудами Морзе, Кука и Уитстона был изобретен и усовер-

---

¹ Уолтер Вристон, дальновидный председатель правления «Ситибанка», явно подразумевал эту тенденцию, когда говорил: «Вместо того чтобы подтвердить оруэлловскую теорию Большого Брата, наблюдающего за гражданами, коммуникационные технологии позволили гражданам наблюдать за Большим Братом». См.: Walter Wriston, "Bits, Bytes, and Diplomacy", *Foreign Affairs* 76:5 (September–October 1997): 172.

шенствован телеграф, но первые образцы были исключительно дороги, и потому поначалу его использовали только для передачи наиболее важных правительственных, военных и финансовых сообщений. Радио- и телевизионные станции поначалу также стоили недешево, и потому пропагандистские передачи были неизменно «целенаправленными» и строго контролировались государственными структурами. Да и печатные машины, которым шел уже пятый век, по-прежнему обходились в солидные суммы.

Когда Оруэлл в середине двадцатого века писал свой роман, он даже представить себе не мог, что в скором времени обыкновенные люди в повседневной практике станут использовать дорогие и сложные коммутационные технологии. Оруэлл умер в 1950 году, и потому ему не довелось увидеть внедрение современных коммутационных устройств в быт: факсов, ксероксов, персональных компьютеров, Интернета и сотовых телефонов с фотографической камерой — устройств, которые помогли спасти мир от гибели, чего так боялся Джордж Оруэлл.

Развитие новых коммуникационных технологий происходило стремительно. Если в 1960 году только правительства, военные ведомства и большие компании располагали компьютерами, то в 1970 году компьютеры появились даже в маленьких фирмах. К 1990 году недорогие компьютеры стали доступными населению, к 2000 году большинство жителей развитых стран использовали Интернет, а в 2004 году получил распространение широкополосный доступ в Сеть.

Во второй половине двадцатого века, когда новые коммуникационные технологии стали доступными для населения, они помогли демонтировать структуры тоталитарных режимов, которые прежде с помощью таких технологий притесняли народ. В том, что актуальные коммуникационные технологии поначалу используются государством для

притеснения населения, а затем осваиваются этим же населением для борьбы с властями предрержащими, нет ничего особенно нового.

Если углубиться в историю, можно узнать, что развитие технологий коренным образом изменяет политический, религиозный и даже культурный баланс в стране, которая ввела у себя эти новации. Начнем с того, что в восемнадцатом и девятнадцатом веках в Англии действовали «хлебные законы», установившие обременительные таможенные тарифы на импортируемое зерно. Цены на зерновую продукцию значительно поднялись, а вместе с ними и цены на отечественное зерно. «Хлебные законы» увеличили доходы английской земельной аристократии и больно ударили по карману простого народа, к тому же провоцируя голод.

К началу девятнадцатого столетия разгорелась нешуточная борьба между одобрявшей эти законы английской аристократией и двумя группами, требовавшими их немедленной отмены. Одну из этих групп составляли жители городов, а другую — фабриканты, на которых эти горожане работали. Почва для отмены «хлебных законов» была подготовлена биллем о реформе парламентского представительства 1832 года (который предоставил право голоса средним и мелким предпринимателям), а также расширением сети железных дорог и введением цены в 1 пенни для почтовых отправок. Наконец, неурожай ирландского картофеля и пшеницы привел к отмене «хлебных законов» в 1846 году.

Почему же развитие железных дорог и введение низкой платы за почтовые пересылки содействовали отмене «хлебных законов»? Ответ заключается в том, что у лидеров Лиги борьбы против этих законов появилась возможность разъезжать по стране, заниматься агитационной работой и мно-